На правах рукописи

НЕВОЛИНА Анна Михайловна

ИСТОРИЯ АНТРОПОНИМОВ В РАЗНЫХ ТИПАХ ТОТЕМСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КОНЦА XVI–XVII вв.

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Вологда – 2011

Работа выполнена на кафедре русского языка ГОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет»

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Научный руководитель: Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор Юлия Ивановна Чайкина

Официальные оппоненты: доктор филологических наук Татьяна Александровна Сидорова

кандидат филологических наук Наталья Сергеевна Дьякова

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»

Защита состоится 12 декабря 2011 года в 14 часов на заседании диссертационного совета КМ 212.031.03 при ГОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет» по адресу: 160001, г. Вологда, пр. Победы, 37, ауд. 71.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Вологодского государственного педагогического университета по адресу: 160001, г. Вологда, ул. Орлова, д.6. Текст автореферата размещен на сайте университета www.uni-vologda.ac.ru.

Автореферат разослан «9» ноября 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент Л.Ю. Зорина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению антропонимии в деловой письменности Тотемского уезда конца XVI–XVII вв. в структурно-языковом и функциональном аспектах.

Актуальность исследования. Обращение к данной теме обусловлено актуальностью проблем исторической антропонимики и необходимостью введения в научный оборот новых лингвистических источников XVI–XVII вв., созданных не только в центре, но и на периферии Московского государства.

К актуальным задачам исторической антропонимики относится описание локальных антропонимических систем в их развитии с целью дальнейшего обобщения результатов исследований для более полного научного обзора общерусской истории антропонимии. Антропонимию Русского Севера XVI–XVII вв. в силу исторического своеобразия этого региона отличал ряд характерных особенностей: более широкий репертуар личных имен, более раннее время формирования фамилий, чем в средней полосе России и др. Изучение антропонимии г. Тотьмы и Тотемского уезда конца XVI–XVII вв. имеет немаловажное значение для обобщающего описания старорусской антропонимии Северной Руси.

К актуальным задачам исторической антропонимики сегодняшнего времени следует отнести изучение старорусской антропонимии в функционально-стилистическом аспекте. Эта задача решается в рамках функциональной антропонимики, которая изучает русскую систему собственных имен человека «с позиций описания функционирования индивидуальных именований человека в речи, их взаимодействия с языковой и речевой средой, взаимовлияния именований, их варьирования» [Смольников, 2005б: 1]. Начало функциональному изучению старорусской антропонимии было положено в 80-х гг. XX века в работах Е.Н. Поляковой [1982], Л.М. Щетинина [1980, 1986]. В последние два десятилетия оно было продолжено в работах С.Н. Смольникова [1996, 2005], И.А Королевой [2000], Н.В. Комлевой [2004], А.Н. Соловьева [2005], Ю.И. Чайкиной [2007], Т.В. Симашко [2009], Е.Н. Поляковой [2010] и др. На данный момент круг работ по функциональной исторической антропонимике достаточно невелик: это направление остается одним из приоритетных в отечественной ономастике.

Исследования по старорусской антропонимике традиционно проводятся на материале памятников деловой письменности, наиболее актуальных в качестве источников исторической информации и количественно преобладающих среди письменных материалов донационального периода [Щетинин, 1986: 161]. Деловой язык имел свою антропонимическую систему, которая отвечала его целям и задачам: утилитарный характер деловой письменности обусловил утилитарный характер ее антропонимии.

В старорусских деловых документах употребление антропонимов зависело от их содержания, назначения, адресата и др., поэтому в документах разных жанров принципы функционирования антропонимов могли быть

различны [Чичагов, 1959: 9; Зинин, 1969: 51; Полякова, 1982; Королева, 2000; Смольников, 2005 и др.]. «Для глубокого и всестороннего освещения вопросов, связанных с формированием и развитием общерусской антропонимической системы» необходимо рассматривать употребление антропонимов в самых разноплановых деловых текстах [Королева, 2000: 3].

Антропонимическая система делового языка старорусского периода «имела значительное влияние на становление антропонимов будущего литературного языка» [Полякова, 1982: 285]. Сравнение структуры и состава именований в разных по жанру, времени и месту создания текстах позволит точнее и объективнее представить картину формирования современной официальной антропонимической формулы именования человека [Королева, 2000: 2].

В старорусской официальной антропонимии взаимодействовали народно-разговорные элементы именования и антропонимические средства приказного языка. Разграничение этих элементов в антропонимии разных деловых документов старорусского периода является одной из актуальных задач исторической ономастики.

Старорусскую антропонимию отличало функциональное взаимодействие разных типов антропонимов (календарных и некалендарных имен, патронимов и фамилий и др.) [Ганжина, 1992а: 19]. Поиск единого метода их описания, определение признаков, сближающих и различающих эти группы имен собственных, продолжает оставаться одной из важнейших задач исторической антропонимики [Смольников, 2005б: 1-2]. Решение этой задачи невозможно без обращения к разножанровому актовому материалу.

Объектом исследования являются антропонимы, зафиксированные в тотемских документах конца XVI–XVII вв. В общей сложности к исследованию привлечено более 20 тысяч именований. **Предметом исследования** является состав антропонимических средств, их становление и употребление в разных типах тотемской деловой письменности конца XVI–XVII вв.

Цель настоящего исследования – комплексное описание антропонимии в разножанровых деловых текстах г. Тотьмы и Тотемского уезда конца XVI–XVII вв. в структурно-языковом и функциональном аспектах. Тотемская официальная антропонимия конца XVI–XVII вв. рассматривается как динамическая система на двух этапах ее развития: 1) в конце XVI – первой половине XVII вв. и 2) во второй половине XVII в.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие конкретные **задачи:**

- охарактеризовать модели именования лица в различных текстах тотемской деловой письменности конца XVI–XVII в.; проследить, какие изменения в моделях официального именования лица произошли в течение столетия и в каких документных жанрах они особенно ощутимы;
- изучить и сопоставить состав личных антропонимов и их функционирование в тотемских деловых текстах конца XVI – первой половины XVII вв. и в документах второй половины XVII в.; в результате этого определить характер изменений в составе личных антропонимов и их

употреблении в тотемской деловой письменности разных типов в течение столетия;

- описать и сравнить структурные типы патронимов, андронимов и фамилий и их употребление в тотемских деловых актах конца XVI – первой половины XVII вв. и в памятниках деловой письменности второй половины XVII в.; рассмотреть становление этих антропонимических категорий в тотемской деловой письменности на протяжении столетия и сопоставить их функционирование в текстах разных жанров.

Методы исследования – описательный, сравнительно-сопоставительный, количественно-статистический, приемы контекстуального и функционального анализа.

Характеристика источников. В качестве источников антропонимического материала использовались различные памятники тотемской деловой письменности конца XVI–XVII вв. Исследованные источники целесообразно объединить в следующие группы.

1. Материалы писцового делопроизводства: писцовая и межевая книга г. Тотьмы с посадом и уездом 1623-25 гг. (РГАДА, ф. 1209. ед. хран. 480, 486); писцовая книга г. Тотьмы с посадом и уездом 1676-79 гг. (РГАДА, ф. 1209, ед. хран. 482-485); дозорная книга г. Тотьмы и уезда 1619 г. (РГАДА, ф. 1209, ед. хран. 479); переписная книга г. Тотьмы и уезда 1646 г. (РГАДА, ф. 1209, ед. хран. 15049), переписная книга г. Тотьмы 1722 г. (РГАДА, ф. 350, оп. 2, ед. хран. 3637);

2. Материалы таможенного делопроизводства: таможенная книга г. Тотьмы 1627 г. (РГАДА, ф. 137, Тотьма, ед. хран. 2); таможенные книги г. Тотьмы 1634-35 гг., 1635 г., 1653-54 гг., 1655-56 гг., 1675-76 гг., 1676-77 гг. (Таможенные книги Московского государства XVII в. М.-Л., 1950-1951. Т. I-III.);

3. Частно-деловые акты: списки с частно-деловых актов г. Тотьмы 1626-1651 гг. (РГАДА, ф. 137, оп. 1, Тотьма, ед. хран. 31); частно-деловые акты Тотьмы 1661-1695 гг. (РГАДА, ф. 281, оп. 18, Тотьма, ед. хран. 12356, 12358, 12362, 12364, 12365, 12367, 12368, 12370, 12371, 12373, 12379, 12391 и др.);

4. Материалы монастырского делопроизводства: приходные, расходные, приходо-расходные книги Тотемского соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря 1582-1598 гг. (Вотчинные хозяйственные книги XVI в. М.-Л., 1979. Ч. I-II.), приходные, расходные, приходо-расходные книги Тотемского соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря 1606 г., 1655-56 гг., 1662 г., 1684-85 гг., 1695 г., 1714 г. (ГАВО, ф. 512, оп. 1, ед. хран. 6, 46, 55, 129, 152-155, 174).

На защиту выносятся следующие положения:

1. История антропонимов в разных типах тотемской деловой письменности конца XVI–XVII вв. отражает общерусские антропонимические процессы донационального периода; тотемская антропонимия может быть вписана в севернорусскую антропонимическую систему.

2. В тотемской деловой письменности конца XVI–XVII вв. характер использования антропонимических средств определяется жанром документа, его содержанием и назначением. Своеобразие антропонимии отдельных

документных жанров проявляется как в моделях именования лица, так и на уровне отдельных компонентов именования.

3. Тотемская официальная антропонимия конца XVI–XVII вв. развивается как динамическая система: ко второй половине XVII в. в тотемских деловых документах происходят существенные изменения моделей именования лица и отдельных их компонентов.

4. В тотемских деловых текстах конца XVI–XVII вв. отражено функциональное сближение календарных и некалендарных имен, изначально разных по происхождению. К признакам, сближающим эти группы имен, следует относить: зависимость способности имени к идентификации лица от степени его частотности; социальную дифференциацию имен, обусловленную оппозицией светского и монашеского именников; общую систему модификатов; способность выполнять функции личного имени и «прозвища».

5. В конце XVI–XVII вв. в Тотемском уезде у крестьян и горожан происходил процесс формирования фамилий, что было обусловлено юридической самостоятельностью населения изучаемой территории, входящей в зону черносошного землевладения. Закрепление официального статуса фамилий происходило как в тотемских документах массовых переписей, так и в частно-деловых актах XVII в.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые предпринята попытка комплексного анализа становления и функционирования официальных именований лица в документах г. Тотьмы и Тотемского уезда конца XVI–XVII вв. Проанализирован антропонимический материал неопубликованных памятников тотемской деловой письменности XVII века. Антропонимия тотемских документов конца XVI–XVII вв. рассмотрена в функциональном аспекте.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней показаны особенности развития и функционирования региональной антропонимии в деловых документах разных жанров в период создания единого русского государства и формирования единого национального языка.

Практическая значимость. Материалы и результаты исследования могут быть учтены при разработке спецкурсов и спецсеминаров по исторической антропонимике и использованы для сопоставительного описания антропонимических систем других исторических периодов и регионов, для описания истории русской антропонимии в целом и истории севернорусской антропонимии в частности. Анализируемые именования могут быть использованы при лексикографической работе в области исторической антропонимики.

Апробация работы. Положения диссертации обсуждались на конференциях «II Ежегодные смотры-сессии аспирантов и молодых ученых по отраслям наук» (12 ноября 2009, Вологда), «Слово и текст в культурном сознании эпохи» (21-23 сентября 2010, Вологда), «XLVI научная студенческая конференция по топонимике» (30 марта 2011, Москва). Положения диссертационного исследования отражены в четырех публикациях.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, источников, словарей и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрывается актуальность и степень научной разработанности темы, формулируются цели и задачи исследования, указывается объект, предмет и методы исследования, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, описываются источники исследования и структура работы. Обосновывается необходимость изучения исторической антропонимии в функциональном аспекте, дается краткая характеристика делового языка старорусского периода, в рамках которого функционировали изучаемые антропонимы.

Первая глава «Модели именования лица в разных типах тотемской деловой письменности конца XVI–XVII вв.» представляет собой характеристику тотемских документов различных жанров конца XVI–XVII вв. с точки зрения моделей именования лица, в них используемых. Состав и структура именований в изучаемых деловых текстах анализируются в тесной связи с их формуляром и содержанием.

В первом параграфе рассмотрены модели именования в писцовых книгах Тотемского уезда XVII в. Принципы записи именований в этих источниках отвечали главной цели их составления: определение размера государственных повинностей для жителей описываемой территории.

Изучение антропонимии тотемских писцовых книг XVII в. показало, что модели именования налогоплательщиков отличались от моделей именования лиц, освобожденных полностью или частично от уплаты налогов. В именованиях налогоплательщиков в писцовых книгах Тотьмы XVII в. наблюдается постепенный переход от двухкомпонентной к трехкомпонентной модели. Если в писцовой книге Тотьмы 1623-25 гг. трехкомпонентными именованиями названо 58% тяглого населения г. Тотьмы, то в писцовой книге Тотьмы 1676-79 гг. – уже 81.5%Например: в. худые люди *Мишка да Тимошка Петровы дети Никоновские* (ПКТ 1676-69, л. 25об.); в. середний человек *Корманко Томилов сын Кузнецов* (ПКТ 1676-79, л. 25); в. молотчей человек *Терешка Иванов сын Суслов* (ПКТ 1676-79, л. 35об.).

В именованиях лиц, не являющихся налогоплательщиками (половников, подворников, бывших дворовладельцев и др.), в писцовых книгах Тотьмы 1623-25 гг., 1676-79 гг. не наблюдается перехода к трехкомпонентной модели: большинство этих именований в обоих документах состоит из двух компонентов. Например: *работники Первушка Андреев* да *Ефремко Титов*, *подворник Сенка Хворой* (ПКТ 1676-79, л. 290об., л. 302об.); в. *половники Сидорка Власов*, *Микитка Васильев* (ПКТ 1623-25, л. 962); «в. лутчей человек Анисим Тимофеев сын Нератов, *у него живет в работе* тотмянин посадский человек *дворник Никонко Жигулев*» (ПКТ 1676-79, л. 293об.-294об.). Лица, освобожденные полностью или частично от уплаты налогов, представляли для

государства меньший интерес, чем тяглые люди, поэтому и именовались меньшим количеством антропонимических средств.

Необходимо отметить, что именования налогоплательщиков в писцовых книгах Тотьмы 1623-25 гг., 1676-79 гг. не однородны. Наблюдаются различия в структуре и составе именований представителей разных сословий, связанные с различиями в принципах их налогообложения. Значительные отличия наблюдаются в моделях именования представителей белого духовенства по сравнению с моделями именования горожан и крестьян Тотемского уезда: для именования священнослужителей не характерна трехкомпонентная модель. В писцовой книге Тотьмы 1623-25 гг. преобладают однокомпонентные именования священнослужителей, но намечается переход к двухкомпонентной формуле: в. *Рождественской поп Иван* (ПКТ 1623-25, л. 32); в. *Климонтовский поп Харитон* (ПКТ 1623-25, л. 8об); *поп Офонасей Дорофеев* (ПКТ 1623-25, л. 106). В писцовой книге Тотьмы 1676-79 гг. за именованиями священнослужителей закрепляется двухкомпонентная модель: *поп Стефан Михайлов*, *поп Гаврило Михайлов* (ПКТ 1676-79, л. 833, л. 580) и др.

В моделях именования крестьян и горожан в изучаемых документах также обнаруживаются некоторые различия. Для идентификации горожан в писцовых книгах Тотьмы использовалось большее количество антропонимических средств, чем для идентификации крестьян. В именованиях горожан в писцовой книге Тотьмы 1623-25 гг. чаще, чем в именованиях крестьян, встречаются описательные патронимы, которые могли переходить в фамильные прозвания: худой человек Дорофейко *Кирилов сын Ворошилова* (ПКТ 1623-25, л. 78), Офонка да Дружинка *Петровы дети Козлова* (ПКТ 1623-25, л. 610); Иванка Трофимов сын *Подгузова* /Иванка *Трофимов сын Подгузов* (ПКТ 1623-25, л. 916, л. 912об.). В именованиях горожан более стремительными темпами идет переход от двух- к трехкомпонентной модели, чем в именованиях крестьян. В течение XVII в. происходило постепенное прикрепление посадских людей к «посадскому тяглу», которое было регламентировано Соборным Уложением 1649 г. Вероятно, этим в первую очередь объясняется стремление к более точной идентификации горожан по сравнению с крестьянами в изучаемых документах.

Описанные различия в именованиях разных категорий лиц в писцовых книгах Тотьмы 1623-25 гг., 1676-79 гг. наблюдаются и в других севернорусских писцовых книгах XVII в. [Смольников, 2005: 304-306]. Следовательно, разные модели именования были закреплены за разными категориями лиц формуляром этих документов.

Во втором параграфе рассмотрены модели именования в частно-деловых актах Тотьмы XVII в. Одни модели именования были характерны для начального протокола актов, другие – для заключительной части этих документов и т.д.

Именования участников сделки в частно-деловых актах Тотьмы XVII в. последовательно соответствуют трехкомпонентной модели. Например: «Се яз Соли Тотемские посадский члвкъ *Прокофей Микитин сын Мясников* продал есми Рожественскому попу *Анофрею Максимову сыну Кузнецову* … дворовое

место» (ЧДАТ 1626-51, л. 41); «Се яз москвитин гостиные сотни торговой члвкъ *Стефан Петров сын Губин* продал есми Соли Тотемские посадскому члвку *Ивану Сергееву сыну Дияконову* ... дворище» (ЧДАТ 1626-51, л. 49об.). При именованиях участников сделки обязательно стоит указание на их социальный статус и место жительства. Подобная форма записи именований участников сделок – развернутое именование лица с апеллятивными характеристиками в начале – отмечена в частно-деловых актах, составленных в разных городах Московской Руси в XVI–XVII вв. [Зинин, 1969: 51; Дерягин, 1980а: 66]. Следовательно, такая форма записи этих именований была закреплена формуляром документов.

Именования послухов, свидетельствовавших факт совершения сделки, и именования составителей в большинстве тотемских частно-деловых актов XVII в. также состоят из трех компонентов: «А на то *послуси Алексей Тихонов сын Корепов* Окологородние влсти крестьянин да *Фторой Степанов сын Булгаков* да *Семен Потапьев сын Кикин* да *Яков Максимов сын Шадра* да *Корман Окулов сын* Соли Тотемские посадцкие люди. А *купчею писал* Соли Тотемские ямской дьячек *Ивашко Григорьев сын Попов*» (ЧДАТ 1626-51, л. 112). При именованиях послухов и составителей стоят те же апеллятивные характеристики, что и при именованиях участников сделки.

Помимо именований участников, послухов, составителя, в частно-деловых актах Тотьмы XVII в. содержатся именования бывших владельцев объектов сделок, именования владельцев соседних объектов и др. Единой формы записи именований этих лиц в тотемских частно-деловых актах XVII в. выработано не было. Так, например, владельцы соседних объектов названы в изученных документах одно-, двух- и трехкомпонентными именованиями: «А в межах тот мой двор и хмелникъ *Афонасья Кондратьева сна Зонова* двор, а хмелник мой в межах с тем же *Афонасьем* <...> а тот мой лугъ в межах огород *Терентия Мирсеянова* да *с Анною с Осиповскою*» (ЧДАТ 1626-51, л. 48). Однокомпонентные антропонимы называют лиц, более полное именование которых уже встречается в тексте документа. Отсутствие четких требований к именованиям соседей, бывших владельцев объектов и других лиц обусловлены их второстепенностью и меньшей значимостью для содержания частно-деловых актов по сравнению с именованиями участников, послухов, составителя.

В заключительной части актов содержатся рукоприкладства участников сделки, послухов, составителя документа: «К сей купчей *продавец Пронка Микитин* продал и *руку приложил*» (ЧДАТ 1626-51, л. 42); «*Послух Ивашко Литвинов* и *руку приложил*» (ЧДАТ 1626-51, л. 69) и др. В этой части документов продавцы, послухи и составитель именовались меньшим количеством антропонимических средств, чем при первом упоминании: «Се яз *Фома Васильев сын Овдокимов* продал есми <...>. На то послуси *Иван Васильев сын Овдокимов* да *Иван Григорьев сын Попов* да *Офонасей Кондратьев сын Зонов* <...>. К сей купчей *Фомка* руку приложил, послух *Ивашко* руку приложил, послух *Ивашко Григорьев Попов* руку приложил, послух *Афонка* руку приложил» (ЧДАТ 1626-51, л. 51-52об.).

Таким образом, именования в частно-деловых актах Тотьмы XVII в. представляют собой определенную систему: состав и структура именования зависит от роли именуемого в описываемой сделке и от содержания клаузулы, в которой это именование находится. Трехкомпонентная модель регулярно встречается в именованиях участников сделки и в именованиях послухов и составителя документа, т.е. в именованиях лиц, без которых сделка не могла состояться, а документ не имел юридической силы. Тот факт, что на протяжении XVII в. модели именования лица в частно-деловых актах Тотьмы не претерпели значительных изменений, подтверждает вывод В.Я. Дерягина о том, что формуляр этих документов сложился уже к началу XVII в. [Дерягин, 1980б: 69].

В третьем и четвертом параграфах рассмотрены модели именования лица в тотемской финансово-учетной документации конца XVI–XVII вв., к каковой относились тотемские таможенные и монастырские приходо-расходные книги. Рассмотрим модели именования лица в таможенных книгах г. Тотьмы XVII в. Расходные книги Тотемской таможни XVII в. мало информативны в плане антропонимов, приходные книги, наоборот, – антропонимически насыщены. Приходные таможенные книги содержат именования лиц, плативших те или иные таможенные налоги.

В таможенных книгах разных городов Московского государства наблюдаются схожие принципы именования лиц, плативших таможенные сборы: двухкомпонентная модель именования с территориальной характеристикой в начале [Смольников, 2005: 338-339]. В изучаемых таможенных книгах Тотьмы XVII в. также преобладают двухкомпонентные именования, например: «Того ж дни *тотмянин Дружина Оверкиев* женился, платил 2 алт.» (ТКТ 1627, л. 416); «Того ж дни *важанин Калина Васильев* сам друг платил гостиново» (ТКТ 1627, л. 65об.); «Того ж дни *москвитин Иван Елисеев* продал *Якову Кузнецу* штаны, цена 7 алт., платил 2 ден.» (ТКТ 1627, л. 444об.). Территориальная характеристика при именовании была обязательна, так как от нее зависел размер таможенной пошлины, взимаемой с именуемого: иногородние и местные торговцы подлежали таможенному обложению в разном размере [Баракова, 1995: 90].

Трехкомпонентные именования редко встречаются в таможенных книгах.

Таблица №1 **«Частотность трехкомпонентных именований в таможенных книгах Тотьмы XVII в.»**

	ТКТ 1626-27 г.	ТКТ 1635 г.	ТКТ 1653-54 г.	ТКТ 1655-56 г.	ТКТ 1675-76 г.	ТКТ 1676-77 г.
Частотность трехкомпонентных именований	3,4%	4,8%	8,4%	5,2%	1,6%	0,06%

Таблица №1 свидетельствует о том, что в таможенных книгах Тотьмы XVII в. не наблюдается перехода к трехкомпонентной модели именования лица, более того, с 1653 г. по 1677 г. наблюдается снижение активности

трехкомпонентных именований торгующих. Трехкомпонентная модель в таможенных книгах Тотьмы XVII в. встречается в именованиях участников важных торговых сделок (например, таких, как продажа двора): «вдова *Фекла Федосеева дочь, а Ивановская жена Оконнишникова* да с своей дочерью Ориною продали свои двор со всеми хоромы на Заполье» (ТКТ 1634-35, л. 507); «Важеского уезду поп *Стефан Костянтинов сын Нератов* продал брату своему *Тимофею Костянтинову сыну Нератову* на Тотьме у варниц свою треть двора со всеми хоромы и с пожнею» (ТКТ 1627, л. 450). Заметим, что именования участников важных торговых сделок записывались в таможенные книги в виде, характерном для частно-деловых актов Тотьмы XVII в. Возможно, такие записи вносились в таможенные книги на основании соответствующих записей в купчих грамотах.

В целом модели именования лица не претерпевали существенных изменений в приходных таможенных книгах г. Тотьмы в течение всего XVII в. Устойчивый принцип записи именований – двухкомпонентный антропоним с территориальной характеристикой в начале – отвечал главной задаче таможенной службы: идентифицировать регистрируемого и установить размер соответствующего налога, взимаемого с него.

Перейдем к описанию моделей именования лица в монастырских приходо-расходных книгах, составленных в Тотьме в конце XVI–XVII вв. Это книги Тотемского соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря. Монастырская деловая письменность ввиду определенной обособленности монастырской жизни имела значительные отличия от принятых в приказном языке норм [Волынская, 1992: 4]. С этим связаны существенные отличия в антропонимии изученных монастырских книг от антропонимии других тотемских документов. К ним относится употребление однокомпонентной модели именования в расходных книгах Тотемского промысла конца XVI – начала XVII вв.: бадейщик *Томила*, казачок *Утка*, малой поворок *Серга*, плотник *Исаак* (ПРК 1581-98, с. 98, с. 24, с. 230, с. 90) и др. Однокомпонентные именования были принадлежностью разговорной речи, в деловом языке изучаемого периода они употреблялись крайне редко.

Переход от однокомпонентной к двухкомпонентной модели именования наблюдается только в монастырских книгах второй половины XVII в.: кузнец *Анисим Нератов* (ПРК 1655-56, л. 61); кузнец *Корнилий Аверкиев* (ПРК 1684-85, л. 92); молотник *Васка Бурдук* (РК 1695, л. 10об.) и др. Однако и эти именования достаточно редко соответствуют старорусским официальным антропонимическим нормам, предполагавшим именование лица по модели *ЛИ + патроним*. В изученных монастырских документах в большинстве двухкомпонентных именований на втором месте стоит прозвище или фамильное прозвание, например: водоливы *Петр Олховин*, *Михайло Болотов*, *Яков Смирной*, *Афонасий Фряга* (РК 1695, л. 22-31об.). И прозвища, и фамильные прозвания были характерны для именования лица в обиходно-разговорной речи изучаемого периода.

В приходо-расходных книгах именование лица обязательно уточняется апеллятивной характеристикой, которая не только включает необходимые для

содержания этих документов сведения, но и может служить дополнительным средством идентификации лица. В расходных книгах, содержащих именования монастырских работников, обязательно имеется указание на профессию, род занятий именуемых: « наймовал *кузнеца Митрофана* цыренъ зделати» (РК 1662, л. 48об.); «*трубному мастеру Филиппу Чечеве* от мастерства дано 20 алт.» (ПРК 1684-85, л. 87об.). В приходных книгах, включающих именования лиц, закупавших монастырскую соль, указывается территориальная принадлежность именуемых: «продал соли *тотемцу*, *посадскому человеку Козме Терентиеву сыну Кочютину*» (ПРК 1684-85, л. 14 об.); «продал соли *галечанину Любиму Васильеву*» (ПРК 1655-56, л. 4).

Таким образом, рассмотрение моделей именования лица в монастырской хозяйственной документации Тотьмы конца XVI–XVII вв. показало, что составители этих документов, не ограниченные строгими нормами приказного языка, ориентировались на принципы именования лица в разговорной речи. Особенно отчетливо это проявляется в более ранних документах конца XVI–начала XVII вв., где активно используется однокомпонентная модель именования. В документах второй половины XVII в. доминируют двухкомпонентные именования.

Итак, инвариантными формулами именования лица в тотемских документах XVII в. следует признать двухкомпонентную и трехкомпонентную модели именования лица. В писцовых книгах и частно-деловых актах Тотьмы при определенных условиях номинации использовалась то одна, то другая модель именования. В именованиях лиц, которые имели первостепенное значение для содержания этих документов, использовалась трехкомпонентная модель. Для именования лица в финансово-учетной документации, таможенных и монастырских приходо-расходных книгах Тотьмы XVII в., была актуальна двухкомпонентная модель именования, помимо антропонимических средств цели идентификации лица в этих документах служили апеллятивные средства.

Рассмотрение моделей именования лица в тотемских документах разных жанров конца XVI–XVII вв. подтверждает выводы антропонимистов о том, что выбор моделей именования лица в старорусском документе определялся его жанром, содержанием и назначением.

Во второй главе «Личные антропонимы в разных типах тотемской деловой письменности конца XVI–XVII вв.» рассмотрен состав, номинативные варианты и особенности функционирования личных антропонимов в изучаемых источниках. В начале главы дается обзор проблемных вопросов исторической антропонимики, связанных с неоднородностью личных антропонимов в именовании лица в донациональный период. Обозначена необходимость решения этих вопросов с учетом взаимодействия разных антропонимических подсистем в старорусской антропонимии официально-деловой сферы: церковного именника, антропонимических средств приказного языка и обиходно-разговорной речи.

Первый параграф содержит описание состава личных антропонимов, употребительных на территории Тотемского уезда в конце XVI–XVII вв. Антропонимический материал тотемских документов массовых переписей XVII

в. свидетельствует о том, что в г. Тотьме в изучаемый период коэффициент одноименности среди горожан был ниже, чем в Вологде и Великом Устюге, ср.: в Тотьме – 4,2; в Вологде и Великом Устюге – 7 [Чайкина, 2004: 34; Смольников, 1996: 31]. Невысокий коэффициент одноименности в Тотьме, вероятно, связан со значительно меньшей численностью и плотностью населения этого небольшого города в сравнении с такими крупными торгово-экономическими центрами, как Вологда и Великий Устюг.

Репертуар личных антропонимов в Тотемском уезде в конце XVI–XVII вв. был весьма широк и включал имена, разные по происхождению и функционированию. Разнообразие тотемского именника и наличие в его составе значительного числа некалендарных имен является подтверждением его общности с севернорусским именником. Причина сохранности большого и разнообразного именника на Русском Севере в XVII в. состояла в том, что в этом регионе были очень сильны обычаи прошлого: с древних времен имена здесь переходили от поколения к поколению по традиции [Зинин, 1969: 125; Чайкина, 2004: 34].

Состав наиболее употребительных календарных и некалендарных имен жителей Тотемского уезда свидетельствует об общности тотемского именника с именниками других севернорусских уездов конца XVI–XVII вв. Так, наиболее частотные календарные имена жителей Тотемского уезда (*Иван*, *Федор*, *Василий*, *Григорий*, *Семен*, *Тимофей*, *Степан*, *Яков*, *Петр*, *Михаил*; *Марья*, *Аксинья*, *Марфа*, *Анна*, *Овдотья*, *Ульяна*) обладали высокой активностью на всей территории Русского Севера в конце XVI–XVII вв. [Бахвалова, 1972; Смольников, 1996: 208; Комлева, 2004: 75; Дьякова, 2007: 13; Афанасьева 2010: 11 и др.].

В Вологодском, Устюжском, Тотемском уездах в изучаемый период наиболее употребительны были одни и те же некалендарные имена: *Дружина*, *Первой*, *Пятой*, *Третей*, *Шюмило*, *Богдан*, *Замятня*, *Второй*, *Шестой*, *Томило*, *Бажен* [Чайкина, 2004: 34; Смольников, 1996: 30-31]. Эти некалендарные имена входили в общеизвестный фонд русских имен, используемых при внеобрядовом наречении, подобно тому как календарные имена составляли общеизвестный фонд имен, используемых при церковном имянаречении. В процессе употребления и те, и другие использовались прежде всего как словесные знаки, призванные именовать людей, т. е. выполняли номинативную функцию.

Помимо высокочастотных имен в тотемский именник конца XVI–XVII вв. входило значительное число других имен разной степени активности. В целом состав календарных имен в Тотемском уезде в изучаемый период включает 203 мужских и 59 женских имен, а репертуар некалендарных имен охватывает более 300 мужских имен и 3 женских имени. В некалендарном именнике помимо имен, данных в младенчестве, отмечена значительная группа имен, которые человек мог получить в любом возрасте (*Беляк*, *Гладкой*, *Сладкой*, *Пичюга*, *Теля* и др.), а также такие имена, которые могли характеризовать взрослого человека (*Балда*, *Дылда*, *Телега*, *Шюрин*, *Лошечник*, *Пастух*, *Сапожник*, *Ярыга*, *Приходец* и др.).

Имена с экспрессивными характеристиками внешних и внутренних качеств именуемых (*Жук*, *Кисель*, *Сухой*, *Шиш*, *Шадра* и др.), как правило, являлись «уникальными антропонимами» в том смысле, что в конкретном коллективе каждое из таких имен имело одного денотата [Пахомова, 1984: 26]. За счет ярко выраженной характеризующей функции и единичности эти имена более точно идентифицировали лицо, чем другие некалендарные имена.

У календарных имен способность к идентификации лица также напрямую зависела от степени их частотности: малоактивные и редкие имена более точно идентифицировали лицо, чем имена высокой и стабильной активности. За счет способности к точной идентификации лица малоактивные имена могли получать определенную популярность в отдельных частях Тотемского уезда. Например, в волости Кулуй было употребительно имя *Потап* (*Потапко*), в волости Уфтюга – *Ефрем* (*Ефремка*), в волости Мола – *Фотий* (*Фатко*), *Феофил* (*Фефилко*); в волости Царева – *Евтихий* (*Ефтифейка*) и т.д. Наличие «любимых» имен у крестьян отдельных волостей и деревень правомерно также считать проявлением сельской и соседской одноименности [Бакланова, 1970]. Пример: Дер. Залесье, Ермолино тож, в. Офонка Иванов, да сын его *Фатко*. Дер. Щелкалиха, в. Фочка Иванов да сын его Вахрушка, в. Дружинка Калинин, да с. его *Фатка* (ПКТ 1623-25, л. 371об.- 372).

Материалы тотемских документов конца XVI--XVII вв. свидетельствуют о том, что у крестьян и горожан Тотемского уезда был единый именник. К именнику крестьян и горожан примыкает именник представителей местного духовенства, в котором преобладают высокочастотные календарные имена: поп *Офонасей*, поп *Яков*, поп *Тимофей*, поп *Иван* Прокофьев (ПКТ 1623-25, л. 555л., л. 936об., л. 120, л. 38об., л. 483об.); старица *Марфа* Иванова дочь Зосимина (ЧДАТ 1626-51, л. 21). В ряде именований местных церковнослужителей встречаются и некалендарные имена: *Георгиевской поп Первой* Максимов сын Кузнецов (ТКТ 1635, л. 114об.). От именника крестьян, горожан и местных церковнослужителей значительно отличается монашеский именник, в котором преобладают малоактивные и редкие календарные имена, некалендарные имена отсутствуют: старец *Герман*, старец *Серапион*, старец *Филофей* Микифоров Барачев (ТКТ 1627, л. 181об., л. 443об., л. 227); черноризица старица *Левкея* (ПКТ 1623-25, л. 483) и др.

Таким образом, в тотемских деловых текстах конца XVI–XVII вв. отражено сближение календарных и некалендарных имен, изначально разных по происхождению и функционированию. К признакам, сближающим эти группы имен, следует относить: зависимость способности имени к идентификации лица от степени его частотности; определенную социальную дифференциацию имен, обусловленную оппозицией светского и монашеского именников; общую систему модификатов.

Во втором параграфе рассмотрены номинативные варианты личных имен, зафиксированные тотемскими документами конца XVI–XVII вв. Разграничены словообразовательные (собственно деривация) и несловообразовательные (фонетико-морфологические) варианты личных имен, представленные в источниках.

Номинативное варьирование, связанное с изменением звучания и грамматического оформления личных имен, характеризует исключительно календарный именник: фонетическая и морфологическая адаптация календарных имен способствовала преодолению «резкой иносистемности» заимствованных имен по отношению к исконно русской лексике [Никонов, 1969: 57]. Тотемские документы конца XVI–XVII вв. демонстрируют общерусские изменения звучания и грамматического оформления календарных имен. Примеры фонетической адаптации имен: 1) замена начальных «а» и «е» на «о» (бобыль *Ортюшка* Волчек – ПКТ 1623-25, л. 128; *Останка* Вол – ПКТ 1623-25, л. 728об.); 2) ассимиляция и диссимиляция гласных и согласных (*Фарафонка* Толстой – ПКТ 1623-25, л. 556; *Фалелейка* Юрьев – ПКТ 1623-25, л. 241, тотмянин *Перфилей* Суслов – ТКТ 1627, л. 441) и др. Примеры морфологической адаптации имен: 1) изменение конечного *-ий* на *-ей*; добавление или усечение конечного *-ей/-ий* (*Василь* Григорьев – ТКТ 1627, л. 445); 2) изменение конечного *-ина/-ния* в *-ида* в женских именах (вдова *Соломанида* Демидова, вдова *Онтонидка* Гавриловская – ТКТ 1634-35, л. 399, л. 494об.) и др.

Фонетические и морфологические изменения календарных имен, а также способы их фиксации в документах не были упорядочены. Вплоть до второй половины XVII в. основное внимание при церковной кодификации имен обращалось лишь на их состав: даже в церковных календарях написание имен варьировалось [Суперанская, 1981: 83]. Закономерно, что написание календарных имен варьировалось и в деловых документах первой половины XVII в. Так, в одних тотемских документах первой половины XVII в. (в писцовой книге Тотьмы 1623-25 гг., таможенных книгах Тотьмы 1627 г., 1635 г.) в календарных именах на месте инициального «а» регулярно стоит «о»: толшмянин *Ортемей* Богданов, *Оникий* Иванов Всевид, старица *Огафья* (ТКТ 1627, л. 182об., л. 140об., л. 375) и др. В других тотемских документах этого периода (приходо-расходных книгах Тотемского промысла Спасо-Прилуцкого монастыря 1581-1606 гг., частно-деловых актах Тотьмы 1626-1651 гг.) в календарных именах параллельно функционируют начальное «о» и начальное «а»: *Андрюшка* Слезинской, дрововоз *Офонка*, *Антонка* Федоров (ПРК 1606, л. 73, 68, 58об.); вдова *Антонида* Родионова дочь (ЧДАТ 1626-51 гг., л. 65об.) и др.

В тотемских документах разных жанров второй половины XVII в. происходит определенная унификация: во всех источниках отмечаем доминирование начального «а» и снижение частотности начального «о» в календарных именах и патронимах, от них образованных. Вероятно, тенденция к унификации записи календарных имен в изучаемых документах была связана с реформами, направленными на исправление церковных и богослужебных книг, в 1650-х гг.

Номинативное варьирование, связанное со словообразовательной адаптацией именной основы, было широко представлено как у календарных, так и у некалендарных имен. В работах по исторической антропонимике последнего десятилетия для обозначения словообразовательных вариантов

личных имен употребляется термин «модификаты» личных имен, предложенный С.Н. Смольниковым [Смольников, 1996; Комлева, 2002; Татаркин, 2005; Иванова 2006 и др.]. Это универсальный термин, который может быть использован для обозначения производных форм личных имен XVI–XVII вв. вне зависимости от деминутивных и экспрессивных значений, реализуемых суффиксами этих имен.

Модификаты женских имен, зафиксированные в тотемских писцовых книгах XVII в. (в других тотемских документах женские имена представлены в полной форме), образованы от полной именной основы с помощью суффиксов *-к(а)*, *-иц(а)*, например: бобылиха *Марица* Дмитиева жена, вдова *Улитка* Зутиха, просвирница *Огрепениця* (ПКТ 1623-25, л. 87, л. 129об., л. 555). Модификаты мужских имен зафиксированы во всех тотемских документах конца XVI–XVII вв., однако самое большое количество этих форм также сосредоточено в писцовых книгах Тотьмы 1623-25 гг., 1676-79 гг. Модификация мужских имен имела более сложный характер, чем модификация женских имен, о чем свидетельствует ее ступенчатый характер и более широкий арсенал суффиксов.

В модификатах мужских имен в тотемских документах конца XVI–XVII вв. наиболее часто отмечаем общерусские антропоформанты *-к(а)/-к(о)*, *-ун(ка)*, *-уш(ка)/юш(ка)*, *-ш(ка)* и синкретичную морфему *-а/-я*. В отдельных случаях в изучаемых документах встречаются модификаты личных имен с суффиксами *-ец*, *-ют(ка)*, *-ух(а)*, *-ак*, *-ыш(ка)*, *-н(я)*, *-ч(а)*, *-ак*, *-аг(а)*, *-уг(а)*, *-ук* и др. Модификаты с этими формантами с большой долей уверенности можно относить к обиходно-разговорному языку, например: дворище *Пятухи* Зонова (ЧДАТ 1626-51, л. 49об.); кузнец *Купря* (ПРК 1581-98, с. 80); Верхние Еденги *Ортюга* Жданов (ТКТ 1627, л. 431); *Ончюк* Маковиев (ТКТ 1635, л. 139); Куземка да *Паршик* Савины дети Некрасовы (ПКТ 1623-25, л. 288об.). Экспрессивно-оценочная направленность этих модификатов обусловила их незначительное проникновение в изучаемые деловые документы.

В старорусской антропонимии модифицированные и немодифицированные формы личных имен служили средством характеристики именуемых по социальному положению. Составители документов, для содержания которых был значим социальный статус именуемого, проводили социальную дифференциацию форм личных имен. К таким источникам относятся документы массовых переписей, в том числе писцовые книги Тотьмы 1623-25 гг., 1676-79 гг. Необходимо уточнить, что модификаты личных имен в изучаемых писцовых книгах не только указывали на социальное положение именуемых, но и маркировали податных лиц государства. Если именуемый в документе выступал в качестве налогоплательщика, его личное имя обязательно записывалось в форме модификата, если он же выступал в другой роли, его имя могло быть записано в полной форме, ср.: *в. середний человек Дружинка* Первово сын Кубасов; *порука Дружина* Первово сын Кубасов (ПКТ 1623-25, л. 13об., л. 42об.).

В тех документах, для содержания которых социальный статус именуемого не был значим, социальная дифференциация модифицированных и немодифицированных форм личных имен отсутствует. К таким источникам

относятся таможенные книги Тотьмы XVII в. Размер таможенных пошлин не зависел от социально положения торгующих [Малышева, 1997: 198], поэтому в таможенных книгах регулярно встречаются немодифицированные личные имена в именованиях представителей разных сословий, например: *гостиной сотни Бажен* Григорьев Старово (ТКТ 1655-56, л. 141 об.); *тотмянин Олексей* Корепов (ТКТ 1635, л. 113об.).

Если в таможенных книгах Тотьмы первой половины XVII в. в именованиях торгующих модификаты личных имен встречаются в 5-9% именований, то в таможенных книгах Тотьмы второй половины XVII в. они отсутствуют. Можно предположить, что модифицированные имена, не закрепленные формуляром этих документов, проникали в таможенные книги Тотьмы первой половины XVII в. из обиходно-разговорной речи. Большинство этих модификатов образовано от сокращенной именной основы с помощью формантов *-шк(а)*, *-ушк(а)/-юшк(а)*, морфемы *-а/-я*, например: тотмянин *Матюша* Данилов, присатчик *Митя* ларионов (ТКТ 1627, л. 418, л. 43об.); *носники Гриша* Боков, *Юшко* Баев (ТКТ 1627, л. 214об., л. 241об.). Вероятно, именно эти форманты наиболее активно участвовали в модификации личных имен в разговорной речи жителей изучаемой территории.

В третьем параграфе рассмотрено функционирование личных антропонимов в тотемской деловой письменности конца XVI–XVII вв. В конце XVI – первой половине XVII вв. наблюдаются различия в употреблении некалендарных антропонимов в тотемских документах разных жанров и разного времени написания.

В монастырских приходо-расходных книгах 1581-1606 гг. 34% именований включают некалендарные личные имена, в том числе 7% именований – имена с экспрессивными характеристиками лица, например: «купили лесу, валежу на Еденьге у Сенши да у *Блина*»; «*Лоха* послали в монастырь» (ПРК 1581-98, с. 233, с. 226); «*Шарыге* с товарищи дано рубль» (ПРК 1590, л. 7). В писцовой книге Тотьмы 1623-25 гг. и в таможенных книгах Тотьмы 1627 г., 1635 г. некалендарные личные имена встречаются в 15-18% именований, имена с экспрессивными характеристиками лица – только в 1-1,5% именований. В частно-деловых актах Тотьмы 1626-51 гг. доля некалендарных личных имен равна 12%, личные имена с экспрессивными характеристиками лица в этих документах отсутствуют.

Активное проникновение некалендарных имен в тотемские монастырские книги конца XVI – начала XVII вв., вероятно, отражает принципы именования лица в обиходно-разговорной речи, где различия календарных и некалендарных имен нейтрализовались; менее активное проникновение некалендарных имен в другие тотемские документы первой половины XVII в. свидетельствует о том, что их составители более последовательно соблюдали принципы записи личных имен, заданные приказным языком. Различия в частотности некалендарных имен в изученных документах свидетельствуют о том, что единых требований к записи личных имен в деловой письменности изучаемого периода не было.

Во второй половине XVII в. наблюдается значительное сокращение числа некалендарных имен во всех тотемских документах независимо от их жанровой принадлежности: в документах 1650-х гг. некалендарные имена составляют около 7% личных имен, в документах 1670-80 гг. – 3-4%, в документах 1690-х гг. – 0%. Унификация употребления личных имен в тотемских документах разных жанров во второй половине XVII в., вероятно, связана с унификацией норм составления официально-деловых документов в этот период.

Третья глава «Неличные антропонимы в разных типах тотемской деловой письменности конца XVI–XVII вв.». Неличные антропонимы идентифицируют лицо через отношение к другому лицу (отцу/матери/мужу) или группе лиц (семье). К неличным антропонимам старорусского периода относятся патронимы, матронимы, андронимы и фамилии (фамильные прозвания).

В тотемских деловых текстах конца XVI–XVII вв. функционировали разные типы патронимов. Наиболее продуктивным типом именования по отцу в изучаемых материалах был простой патроним, мотивированный личным именем отца, например: Любимко да Гордейка *Дружинины дети* (ПКТ 1623-25, л. 938). Сложные патронимы, мотивированные именованием отца в целом, были актуальны в первой половине XVII в. в отдельных тотемских документах: Пантелей *Семенов сын Афонасьева*; Денис да Иван *Матвеевы дети Выдрина* (ЧДАТ 1626-51, л. 139, л. 78); девка Матренка *Семенова дочь Харитонова Быстрого* (ПКТ 1623-25, л. 73). Во второй половине XVII в. активность сложных патронимов в тотемских документах значительно снизилась, так как активизировались фамильные прозвания.

Активное употребление сложных патронимов отмечаем в писцовой книге Тотьмы 1623-25 гг. и в частно-деловых актах Тотьмы 1626-51 гг. Для писцовых книг и частно-деловых актов было характерно «повышенное внимание к семейным и родственным связям именуемых» [Смольников, 2005а: 106]. С помощью сложных патронимов, образованных от именования отца в целом, подтверждалась законность наследственных прав именуемого на тот или иной имущественный объект. Например: «Се яз Соли Тотемские посадской человек *Леонтей Осипов сын Истомина* продал есми <...> *отца своего* благословение *Осипа Денисова сына* и *деда своего Дениса Петрова сына Истомина* благословение *Кондаковские полянки пашенные две полосы*» (ЧДАТ 1626-1651, л. 109об.).

Старорусские андронимы производились по тем же моделям, что и патронимы: в деловой письменности функционировали простые и сложные андронимы. Период конца XVI – первой половины XVII вв. характеризуется отсутствием единообразия в записи андронимов во всех тотемских документах, в том числе и в документах одного жанра. Параллельно функционируют простые и сложные андронимы, оформленные разными формантами (*-ов/-ев/-ин*; *-овск/-евск/-инск*; *-иха*), со словом «жена» или без него: тотмянка старица *Обориха* (ТКТ 1634-35, л. 398); бобылица Василиска *Федоровская жена*, Федотица *Трубникова* (ПКТ 1623-25, л. 122, л. 13); Агриппина Павлова дочь, а *Ивана Васильева сына Тепляка жена* (ЧДАТ 1626-1651, л. 13) и др.

Во второй половине XVII вв. наблюдается унификация принципов записи андронимов в изученных источниках. В тотемских документах разных жанров доминируют сложные андронимы, оформленные формантами *-овск*, *-евск*, *-инск*: вдова Акилинка *Семеновская жена Кузнецова* (ПКТ 1676-79, л. 26об.); тотмянка вдова Оксинья *Козминская жена Фирсова* (ТКТ 1653-54, л. 66); вкладчица гостиной сотни вдова Парасковья *Семеновская жена Харламова* (ПРК 1684-85, л. 36об.) и др.

Простые и сложные андронимы и патронимы имели разные сферы функционирования: простые патронимы являлись принадлежностью разговорной речи, сложные патронимы и андронимы, вероятно, являлись атрибутом приказного языка.

По данным изучаемых документов, в XVII в. у крестьян и горожан Тотемского уезда уже существовали фамилии, устойчивые не менее, чем в трех поколениях. Например: I. *Русинка Мясников* (ПКТ 1623-25, л. 114) – *Лазарко Русинов Мясников* (ПК 1646, л. 8об) – *Алешка Лазарев сын Мясников* (ПКТ 1676-79, л. 137об.); II. *Митя Симакин* (ПКТ 1623-25, л. 71) – *Мишка да Игнашка Дмитриевы дети Симакина* (ПКТ 1623-25, л. 28об.) – *Данилка Михайлов сын Симакин*, *Митка Игнатьев сын Симакин* (ПКТ 1676-79, л. 87об., л. 78об.) и др.

Раннее становление фамилий в Тотемском крае было обусловлено юридической самостоятельностью его жителей: население уезда составляли лично свободные крестьяне и горожане, у которых процесс образования фамилий начался значительно раньше, чем у помещичьих крестьян. Таким образом, Тотемский уезд наряду с Устюжским, Двинским, Усольским уездами и Устьянскими волостями входил в зону распространения крестьянских и городских фамилий на карте Московского государства XVII в. [Чайкина, 1982; Смольников, 1996а: 14-17]. В то время как на территории Верхнего Подвинья трехкомпонентные именования с фамилиями раньше устанавливаются у крестьян [Смольников, 1996а: 16-17], в Тотемском уезде они активнее распространяются у горожан.

Проникновение фамилий в тотемские официально-деловые акты наблюдается уже в конце XVI – первой половине XVII вв., в документах второй половины XVII в. происходит закрепление официального статуса фамилий, их отграничение от патронимов с помощью соответствующих формантов *-ых/-их*, *-ский/-ской/-ских*. Например: Моска Федоров сын *Алферьевых*; Ивашко Иванов сын *Жилинской*; Баженко Микитин сын *Шиловских* (ПКТ 1676-79, л. 885, л. 50об., л. 189). Активное употребление фамилий наблюдается в писцовых книгах Тотьмы 1623-25 гг., 1676-79 гг. и в частно-деловых актах Тотьмы XVII в., т.е. в тех документах, для содержания которых были актуальны семейные связи именуемых. В писцовых книгах, в частности, фиксация именований, связывающих представителей одной семьи, была необходима для учета тяглого населения [Полякова, 2010: 7].

В **заключении** подведены итоги проведенного исследования, обобщены выводы, сделанные в главах.

История антропонимов в разных типах тотемской деловой письменности конца XVI–XVII вв. отражает общерусские процессы функционирования антропонимов в изучаемый период; тотемская антропонимия может быть вписана в севернорусскую антропонимическую систему.

Рассмотрение антропонимов в разных типах тотемской деловой письменности конца XVI–XVII вв. подтверждает выводы ученых о том, что характер использования языковых средств в старорусской деловой письменности определялся жанром документа, его содержанием и назначением. Своеобразие антропонимии отдельных документных жанров проявляется как в моделях именования лица, так и на уровне отдельных компонентов именования.

Изучение антропонимии тотемской деловой письменности конца XVI–XVII вв. в хронологической динамике показало, что в этот период происходили важные изменения в системе официального именования лица в изучаемых материалах: переход от двухкомпонентной к трехкомпонентной модели именования лица в тотемских документах массовых переписей, снижение частотности некалендарных имен, становление патронимов, андронимов и фамилий в тотемских документах разных жанров и др. Ко второй половине XVII века в тотемской деловой письменности происходит упорядочивание состава и функционирования антропонимов, что, видимо, связано с определенной унификацией употребления этих лексических единиц в деловом языке Московского государства.

Репертуар личных антропонимов в Тотемском уезде в конце XVI–XVII вв. был весьма широк и включал имена, разные по происхождению и функционированию, что позволяет вписать его в именник Русского Севера донационального периода. В тотемских деловых текстах конца XVI–XVII вв. отражено сближение календарных и некалендарных имен на основании различных признаков, существенных для делового языка.

По материалам изучаемых памятников деловой письменности достаточно сложно судить о системе и эмоциональной насыщенности модификатов личных имен, употребительных в разговорной речи в Тотемском крае в конце XVI–XVII вв. Форманты, характерные для разговорной речи, встречаются в тотемских деловых документах XVII в. спорадически, так как имеет место процесс их вытеснения «стандартными» суффиксами модифицированных имен, приемлемыми для именования лица в деловой речи.

В изучаемый период в Тотемском уезде у крестьян и горожан уже существовали фамилии, что было обусловлено местоположением уезда в зоне черносошного землевладения. Закрепление официального статуса тотемских фамилий происходило как в тотемских писцовых книгах, так и в частно-деловых актах Тотьмы XVII в.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. **Неволина А.М. Антропонимия купчих грамот г. Тотьмы середины XVII в. // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2010. – № 4 (27) – С. 40-43. (0,44 п. л.) (Реестр ВАК Минобрнауки РФ)**

2. Неволина А.М. Состав именований в памятниках тотемской деловой письменности конца XVI–XVII вв. // История русского слова. Ономастика и промысловая лексика Северной Руси: Сборник научных трудов. Выпуск 4. Отв. редактор Л.А. Берсенева. – Вологда, 2009. – С. 86-93. (0,27 п.л.)

3. Неволина А.М. Именования и состав торгующих в таможенной книге г. Тотьмы 1626-1627 гг. // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сборник научных трудов. Часть 4. Отв. редактор Г.В. Судаков. – Вологда, 2010. С. 141-148. (0,38 п.л.)

4. Неволина А.М. Особенности именования посадских людей и крестьян в Писцовой книге Тотьмы начала XVII в. // Слово, созвучное времени: Сборник статей памяти С.А. Копорского / Под ред. Л.Н. Новиковой. – Тверь, 2010. С. 193-200. (0, 33 п.л.)

Подписано к печати 7 11 2011 . Формат 60*84 1/16. Печать-ризограф. Бумага ксероксная. Уч.-изд.л.1,6 Усл.печ.л.1,5. Тираж 120 экз.

Отпечатано: Филиал ФГУП «Рослесинфорг» «Севлеспроект»
160014, г. Вологда, ул. Некрасова, 51.